

Литературная история

Навечно в тридцатых

Южный Урал сыграл большую роль в становлении новой советской культуры и, в частности, – пролетарской литературы.

Требования к ней в своё время были чётко сформулированы в обращении рабочих завода имени М. И. Калинина: «Нам нужна литература понятная и доступная миллионам рабочих и крестьян, разносторонне освещающая все стороны их жизни и быта, литература, содействующая переделке человека...»

На Магнитострое первая литературная организация появилась в 1930 году. Её основателем стал 25-летний поэт Василий Макаров

Несмотря на то, что созданное им литобъединение гремело на весь Урал, о самом Макарове известно мало. Возможно, причина «закрытости» кроется в его трагической судьбе.

Родился Василий Макаров в 1905 году на хуторе Гулины Печи Верхнеуральского района Оренбургской губернии и был старшим из шестерых детей. Когда ему исполнилось 13 лет, тяжело заболел отец, и все заботы о семье легли на плечи Василия. Чтобы прокормить себя и родных, он устроился на шахту чернорабочим. В 1925 году по направлению рудничного комитета профсоюза золотых приисков его отправляют учиться на рабфак в Свердловск. В том же году в областной молодёжной газете «На смену» появились его первые стихи. До 1930 года Василий Макаров жил и учился в Свердловске. Его стихотворения печатались в газетах «Уральский рабочий», «Вперёд» и в журналах «Штурм» и «Колос». В это же время он заведовал литературным отделом в газете «На смену» и вёл в ней литературный кружок. Обвинённый членами Свердловской ассоциации пролетарских писателей в преклонении перед «есенинщиной», был вынужден уехать в Пласт. А оттуда по рекомендации Уральского обкома партии отправился руководить литературной жизнью Магнитостроя.

К Магнитной горе Макаров прибыл осенью 1930 года. При газете «Магнитогорский рабочий» он создал литературную группу «Буксир», в которую вошли пять начинающих писателей с производства и 26 служащих. Уже через год группа насчитывала в своём составе около 60 человек, преимущественно

рабочей молодёжи. Вскоре «Буксир» получил статус литературной бригады имени Максима Горького. Она активно включилась в работу газет и стенгазет, выходящих на Магнитострое. В 1932 году литбригада была реорганизована в Магнитогорскую ассоциацию пролетарских писателей – МагАПП, которая организовала сеть литературных кружков на разных участках стройки. В девяти кружках занимались около 150 молодых поэтов и писателей. Как писала о том времени Людмила Татьяничева, «там чуть не каждый мой сосед был журналист или поэт...» В отличие от литературных организаций Свердловска, Челябинска, Златоуста и Перми, магнитогорская литгруппа шла своим путём. Её отличие заключалось в отсутствии исторического и культурного опыта прошлого. Коллектив создавался с «нуля», ему было столько же лет, сколько самому городу и заводу. Поэтому и пролетарская культура здесь зародилась с «чистого листа».

Первыми в литбригаду пришли Б. Ручьёв, М. Люгарин, А. Ворошилов, В. Горный, А. Панфилов, В. Сержантов, позднее к ним присоединились А. Авдеенко, М. Гроссман, В. Дробышевский, Л. Татьяничева. Название бригады было символическим: молодые авторы считали, что поэзия должна «взять на буксир» стройку, вдохновлять каждого на ударный труд. Творческая молодёжь имела свой печатный орган – литературно-художественный журнал «Буксир», на страницах которого молодые поэты выступали с первыми пробами пера. В 1932 году он был переименован и стал называться «За Магнитострой литературы». В этом же году в Свердловске вышла первая и, как оказалось, единственная книга стихов Василия Макарова. А через два года он представлял Магнит-

ку на I Всесоюзном съезде советских писателей.

Руководство ММК высоко ценило деятельность и достижения рабочих поэтов и писателей

В январе 1934 года директор комбината А. П. Завенягин подписал необычный для того времени приказ: «...Исполнилось три года магнитогорской литературной организации, которая превратилась в крупнейшую литературную организацию Урала, объединяющую около ста человек, большинство которых рабочие-ударники цехов Магнитогорского комбината. Всего за три года литературная организация Магнитогорска выдвинула и воспитала писателей, известных не только Уралу, но и общественности всего Союза. Силами магнитогорских писателей написаны повести, книги стихов, пьесы. Повесть машиниста А. Авдеенко «Я люблю» издана в Москве, переведена на немецкий и французский языки. Издана в Москве книга стихов Б. Ручьёва «Вторая родина», издана книга стихов В. Макарова «Огни соревнования». Писатели Магнитостроя продолжают работать на производстве, показывают пример ударного труда: Фёдоров-Каркас – на мартене, Милованов и Дробышевский – на руднике. Выражая уверенность, что магнитогорская литорганизация и в дальнейшем обеспечит свой рост, даст достойные произведения о Магнитострое и его людях, приказываю: 1. Выделить на 1934 год магнитогорскому оргкомитету на издание литературно-художественного журнала «За Магнитострой литературы» 20 тысяч рублей. 2. Оборудовать на Магнитострое Дом писателя, где бы магнитогорские писатели

могли работать и учиться. 3. Премировать магнитогорскую литорганизацию пишущей машинкой. 4. В. Макарова – организатора первой литературной группы на Магнитострое – премировать велосипедом и 300 рублями, Б. Ручьёва – бывшего бетонщика – и А. Авдеенко – машиниста горячих путей – премировать 1200 рублями и творческой командировкой по Уралу...»

Вскоре над литераторами Магнитостроя стали сгущаться тучи

Сначала был закрыт журнал «За Магнитострой литературы». Потом посыпались критика и доносы. Не успели писатели и поэты вернуться из творческих отпусков и командировок, как их тут же обвинили в том, что они не реагируют на поток графоманской писанины, не дают ответа на безграмотные и не имеющие никакого отношения к литературе опусы многочисленных местных «писателей». Дальше – больше. Из периодической печати стали исчезать имена некоторых магнитогорских писателей. А в период массовых политических репрессий многие члены литбригады были арестованы: В. Макаров, Б. Ручьёв, М. Люгарин, В. Губарев, С. Каркас и другие.

Василий Макаров был арестован в ноябре 1937 года. Его жену Клавдию вместе с дочерью сначала выгнали из дома, а потом арестовали. Полгода её держали в одиночной камере, заставляя подписать документы против мужа. Но сломить женщину так и не удалось. Дети Макаровых в это время находились у родственников. В январе 1938-го Василия осудили по «вражеской» 58 статье. Ему было 33 года. Говорят, суд над ним длился всего 15 минут. Первые известия о его судьбе близкие получили только в 1947 году. После многочисленных писем и запросов в различные ин-

станции им выдали свидетельство о смерти, в котором говорилось, что Василий Макаров умер в 1942 году от плеврита. И лишь в 90-е годы, когда были опубликованы «Расстрельные списки», стало известно, что поэт был расстрелян сразу после суда. В 1957 году Макаров был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда РСФСР.

В музее Бориса Ручьёва хранятся рукописи Василия Макарова. Все, кто видит их, отмечают грамотность и каллиграфический почерк

По некоторой информации, он похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волковского кладбища. Этот знаменитый некрополь известен как место погребения множества выдающихся личностей: там покоятся писатели и поэты, композиторы и актёры, учёные и общественные деятели. С 1933 года кладбище считается закрытым, однако в редких случаях там проводят захоронения. Но эта версия требует тщательной проверки. Скорее всего, он был погребён в Челябинске, на Золотой горке, которая находится на северной окраине посёлка Шершни. Предположительно, в одиннадцати шахтах Золотой горки покоятся останки свыше 12 тысяч, по другим данным – свыше 30 тысяч человек, расстрелянных в годы сталинских репрессий. Впрочем, своего часа ждут и многие другие факты из биографии человека, стоявшего у истоков литературной жизни Магнитки.

✍ Елена Брызгалова

Поэзия

✍ Василий Макаров

В дороге

Я снова еду мимо пашен
В телеге тряской в отчий дом.
Мне степь серебряная машет
Своим широким рукавом.
Бежит порывисто навстречу
Моя ликующая бьяль,
И на мои худые плечи
Ложится золотая пыль.
И ветер крепкий и душистый
Ласкает мне больную грудь.
Ах, как прекрасен луг волнистый
И этот долгий знойный путь.
Мне любо в сладком ожиданье
Мечтать с дорожною сосной
О скором радостном свиданье
С моей родимой стороной.
Я снова еду мимо пашен
В телеге тряской в дом родной.
Закатом маревым окрашен
Души волнующий покой.
1926

Детство

Как часто
С тревогой во взоре,
С мятежным желаньем в груди
Любил я на ясные зори
В затишь садов уходить!
Там длинные лёгкие тени
Играли, как в поле стада.
Там блеском зелёных видений
Всплывали крутые года.
О, детства душистая мята
И счастья сиреневый дым!
Когда-то пылали закаты
И звали в прохладу сады...
Когда-то в пастушьей свирели
Я слышал победный призыв.
А жизнь моя
Тощей берёзкой
Шумела от роци вдали.
Ей снились
Кукушкины слёзки
И в синих морях корабли.
Но плыли весенние луны,

Как дни,
Распустив паруса.
И вот уж я,
Смелый и юный,
Иные познал голоса.
Теперь не хочу я свирели,
А медного пенья трубы,
Чтоб грозы и дали звенели
Раскатами гневной борьбы.
1928

Лицом к машине

В работе мы все выезжаем ещё
на русской дубинушке,
на матерщине,
И забываем за «авось», «нипочём»
о лучшем товарище – о машине!
Пора бы изжить нам глухую игру
традиций и разных инерций.
В бездельи, без мастера –
высшая грусть
снедает машинное сердце.
В ногу с машиной мы вышли в бой,

взрывая участки узкие.
На нас работает её любой
социалистический мускул.
Любя экскаваторы и дизеля,
нам надо, товарищ, во-первых,
у них же учиться свои закалять
индустриальные нервы.
Машина – энтузиастка. Она –
стальной большевистской масти.
«И плох ты, товарищ,
– говорит страна, –
раз ты не техник, не мастер!»
В огне пятилетки,
в решающий год
давайте все мы отныне
повернёмся лицом во весь оборот
к энтузиастке – машине!
1930

Крымские стихи

Берег врзался в Чёрное море
Лебединым крылом скалы.
Волны ходят на синем просторе,

Как серебряные вольи.
И на берег, упившись гульбою.
Лезут, словно к чертям на рога.
Подо мною морского прибой
Голубая шумит пурга.
Ветер юга упорно пашет
Неуёмного моря зыбь —
Колыбель любви и бесстрашия,
Песен, молодости и грозы.
Загорелый и чуть рассеянный,
Я пускаюсь по морю вплавь.
Море кажется мне бассейном
Жизнерадостного тепла.
Ослепительный солнечный пояс
Широко по нему распротёрт.
Я стою и вдыхаю запоем
Ароматного моря простор.
Но, поняв, что я беззаботен,
Что пора мне широты менять,
Гулом доменным
К новой работе
Призывает море меня.
1934